

Чэнь Жун пришел к единственному выводу: Цзин Юаньци окончательно лишился зрения.

Он зажимал разбитое, пульсирующее от боли лицо, и слезы градом катились из его глаз. Было неясно, чего в них больше — физического страдания или жгучей, удушающей обиды.

— Посмотри записи! — выл он сквозь рыдания. — Посмотри камеры! Там всё видно, каждое его движение!

Чем отчаяннее сводный брат твердил о виновности Ши Цина, тем шире становилась торжествующая усмешка Цзин Юаньци. Он продолжал методично подливать масла в огонь, нашептывая актеру:

— Понимаешь теперь, почему он так настаивает на камерах? Его план был прост: устроить инсценировку, вырезать нужные кадры и выставить тебя агрессором перед всей страной. Он хотел уничтожить твою репутацию.

Юноша бросил на замершего от шока Чэнь Жуну исполненный ненависти взгляд:

— Ты считал его... — Цзин Юаньци едва сдержался, чтобы не сплюнуть, — считал его братом, а он видел в тебе лишь врага, стоящего на пути к наследству. Он и сейчас, глядя тебе в глаза, продолжает лгать. Неужели ты до сих пор не прозрел, учитель Ши?

Лицо Киноимператора исказилось от еще более глубокой печали. Он опустил голову, пряча затуманенный взор, и не проронил ни слова. Казалось, он внезапно озяб; актер инстинктивно прильнул к Цзин Юаньци, ища у него защиты и утешения.

Ощувив в своих объятиях это податливое, хрупкое тело, юноша преисполнился ликования. Теперь, глядя на ошарашенного Чэнь Жуну, чей взгляд вопил: «Ты же сам меня продал!», он больше не чувствовал прежнего желания немедленно расправиться с ним. Впрочем, желание поскорее выставить его вон никуда не делось.

— Довольно, Чэнь Жун. Спектакль затянулся. Проваливай.

Тот был на грани безумия:

— Я играю?! Я?! Да он меня ударил! Это был он! Вы же сами всё видели!

— Верно, я видел, — юноша нежно посмотрел на Ши Цина, и в его глазах отразилась бесконечная жалость. — С того ракурса, где я стоял, действительно могло показаться, будто учитель Ши ударил тебя.

— Раз видели, почему не верите?!

При упоминании об этом лицо Цзин Юаньци омрачилось. Он с нескрываемым презрением взглянул на «лотоса», который по всем статьям проигрывал ему самому, и ледяным тоном отрезал:

— Учитель Ши и пальцем тебя не коснется. Никогда.

Он давно пришел к выводу: если Чэнь Жун годами изводил брата, а тот продолжал преданно его любить и считать образцом добродетели, значит, манипуляции были отточены до совершенства. Эти трюки с ракурсами и инсценировками, должно быть, были излюбленным оружием этого человека.

Сам же Чэнь Жун, который действительно мастерски владел подобными приемами, но в этот раз был абсолютно честен, лишился дара речи:

— Но... он же превратил мое лицо в кровавое месиво! А вы...

— А Жун... — внезапно позвал его Ши Цин.

Его голос, обычно холодный и ровный, теперь вибрировал от сдерживаемой боли. Красивые темные глаза актера были полны страдания, он заворуженно смотрел на сводного брата:

— Если ты скажешь, что всё это — недоразумение... или что Цзин Юаньци заставил тебя пойти на это... я не стану винить тебя. Я смогу тебя простить.

Чэнь Жун, из чьего носа всё еще хлестала кровь, замер.

«Это меня только что ударили! Мое лицо горит огнем! Я истекаю кровью, черт бы вас побрал!»

— Ладно! Хорошо! — он окончательно понял, что взывать к разуму ослепленного любовью Цзин Юаньци бесполезно. — Вы заодно, да?! Я ухожу! Я еду домой! Я добьюсь, чтобы отец увидел, как его родной сын пытается меня изжить!

— О, валяй, — бросил юноша, даже не удостоив его взглядом. Всё его внимание было поглощено Ши Цином. — Кстати, чуть не забыл... Весь наш недавний разговор я предусмотрительно записал и отправил дяде Ши. Надеюсь, когда ты вернешься, он встретит тебя с прежней отеческой теплотой.

Чэнь Жун оцепенел.

— Ты... — он разразился яростной бранью. — Ты слепец! Обыкновенный слепец! Ши Цин водит тебя за нос, а ты и рад стараться! Неужели ты не видишь?!

Цзин Юаньци смотрел на Киноимператора, чей взгляд в его объятиях становился всё более тусклым. Он понимал, что эта боль необходима, чтобы Ши Цин наконец отрекся от брата, но сердце его всё равно сжималось от нежности.

— Учитель Ши, — юноша коснулся губами его мягкой щеки, шепча слова утешения. — Не бойся. Я не позволю ему причинить тебе вред.

— Я вышлю его из города. Он никогда больше не вернется.

Он был твердо намерен лишить Ши Цина любого шанса вновь поддаться пагубному влиянию этой «белой лилии». Пока Чэнь Жун не исчезнет, он не успокоится.

Юноша повел пребывающего в прострации актера вглубь съемочной площадки. Тот на мгновение обернулся.

Цзин Юаньци не стал смотреть назад. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы «знать»: взгляд его возлюбленного, устремленный на сводного брата, полон скорби и разочарования.

А за их спинами Чэнь Жун, видевший, как Ши Цин победно вскинул бровь и бросил на него исполненный торжества взгляд, едва не задохнулся от ярости.

Теперь он знал наверняка: всё это было изощренным заговором его «добродетельного» старшего брата!

Он предпринял последнюю, отчаянную попытку:

— Цзин Юаньци! Посмотри на него! Просто посмотри на выражение лица Ши Цина!

Тот лишь усмехнулся. Он даже не повернул головы, его ладонь бережно легла на спину актера, успокаивающе поглаживая вдоль позвоночника:

— Учитель Ши, не расстраивайся. Видишь, он и теперь пытается очернить тебя.

Чэнь Жун смотрел, как Ши Цин продолжает издевательски ухмыляться ему через плечо.

— Слепец!

— Ты просто жалкий слепец!

А-а-а-а-а, как же его это бесило!

Вернувшись, Ши Цин заперся в своей комнате. Он не выходил, не отвечал на зов и отказывался от еды, всем своим видом демонстрируя глубокую депрессию.

Цзин Юаньци, чье сердце переполняла ненависть к виновнику этого состояния, мысленно изменил решение: Чэнь Жуна следовало выслать не в другой город, а за границу. Навсегда. В этой жизни тот больше не смел появляться перед глазами Ши Цина.

Устраняя конкурента, юноша не забывал и о самом актере. Он лично принес поднос с едой к дверям и негромко позвал:

— Учитель Ши, время обеда. Давай поедим?

Внутри комнаты Система подала голос:

[Носитель, Цзин Юаньци за дверью]

«Пусть подождет. Мне нужно закончить этот уровень»

Не получив ответа, юноша снова постучал:

— Я знаю, тебе больно. Но нельзя губить свое здоровье. Я специально выбрал твои любимые блюда и попросил добавить побольше «демонического перца».

Ши Цин был полностью поглощен игрой.

— А после обеда... может, ходим в бассейн? Я отлично плаваю.

Ши Цин не отрывался от экрана.

— Я купил торговый центр. Хочешь, вечером прогуляемся там? Я прикажу закрыть его для посетителей, будем только мы вдвоем.

Ши Цин наконец отложил телефон.

Цзин Юаньци уже занес руку для очередного стука, когда дверь распахнулась. Перед ним предстал Киноимператор в домашнем халате с привычно бесстрастным лицом.

В этот миг юноша ощутил сложную гамму чувств. Его сердце разрывалось от жалости к «страдающему» Ши Цину, и в то же время он ликовал, понимая, что тот наконец увидел истинное лицо Чэнь Жуна.

Он вошел в комнату и расставил тарелки:

— Я выбрал то, что ты любишь. Много острого соуса. Гао Чжи сказал, что утром ты съел всего пару булочек и выпил чашку каши. Уже полдень, учитель Ши, ты должен подкрепиться.

Актер молча сел на кровать, сохраняя вид человека, погруженного в свою печаль.

Цзин Юаньци присел рядом. В этот раз он не позволял себе лишних вольностей; он просто положил голову на колени Ши Цина, едва касаясь его руки:

— Не грусти. Он того не стоит.

Юноша чувствовал, как горечь актера передается ему самому. Он готов был разорвать Чэнь Жуна на куски, но при этом не мог заставить себя злиться на Ши Цина, который по-прежнему видел в нем лишь замену другому.

В мире всегда есть такой человек. Что бы он ни совершил, какой бы несправедливостью ни ранил, стоит лишь увидеть его — и вся злость испаряется без следа.

И пусть Цзин Юаньци не мог гневаться на Киноимператора, это лишь означало, что весь долг будет взыскан с Чэнь Жуна.

Предвкушая расправу над врагом, он старался быть воплощением преданности:

— С тобой буду я, давай забудем о нем, хорошо?

— Учитель Ши, разве нам не было хорошо вдвоем? К тому же... я могу семь раз, другие на такое не способны.

Ши Цин внезапно спросил:

— Он... он еще дома?

— Нет, — при упоминании о нем голос юноши стал жестким. — Он улетел. Скорее всего, сейчас он уже в аэропорту.

Голос Ши Цина стал еще печальнее:

— Неужели он ничего не передал перед отъездом?

Передал. Еще как передал. Орал так, что стены дрожали. Впрочем, под присмотром дюжины охранников в частном самолете его крики мало на что влияли — его просто силой усадили в кресло.

— Нет, ничего. Видимо, побоялся, что ты решишь с ним расквитаться, так что убрался очень шустро, не проронив ни слова.

Киноимператор выглядел окончательно разочарованным.

Цзин Юаньци в душе проклинал Чэнь Жуна. Как можно было быть таким слепцом и не ценить Ши Цина? С другой стороны, именно эта слепота дала ему шанс когда-нибудь занять место в этом сердце.

Юноша перешел к решительным действиям. Он зашептал, обдавая ухо актера горячим дыханием:

— Учитель Ши, я ничем не хуже него.

— Я красивее, у меня лучше фигура, я выносливее. Мы оба актеры, но самое главное... он никогда не любил тебя. А я — люблю.

Цзин Юаньци выложил свой последний козырь. Он скользнул выше, коснувшись губами уха Ши Цина, и в его голосе прозвучала искренняя обида:

— Если ты не можешь его забыть... я готов стать им ради тебя.

Ради того, чтобы удержать Ши Цина, он был готов на любую низость. Другой на его месте, возможно, почувствовал бы себя оскорбленным ролью двойника, но не этот юноша.

С самого начала он планировал лишь интрижку. Раз он сам не был честен, как он мог винить Ши Цина в том же?

Но теперь всё стало серьезно. Цзин Юаньци не отличался излишней щепетильностью, и те вещи, что уязвили бы достоинство любого другого, он пропускал мимо ушей.

Да, сейчас актер, кажется, ничего к нему не чувствует. Но чувства — дело времени. С Чэнь Жуном он был знаком меньше двадцати лет, а у них впереди целая жизнь. К черту любовь; если Ши Цин согласится быть с ним, он приложит все усилия, чтобы тот никогда не захотел уйти. Неужели он не сможет затмить какую-то «белую лилию»?

Пройдет десять лет — и от памяти о том человеке не останется и следа.

Выстраивая в голове этот идеальный план, юноша прильнул к Ши Цину, отбросив всякую гордость:

— Соглашайся. Ну же, просто согласись.

— Чтобы забыть старую любовь, нужно открыть сердце новой. Это лучший способ.

Заметив колебание в глазах актера, Цзин Юаньци добавил:

— Давай просто попробуем. Если тебе не понравится — я обещаю, что не стану тебя преследовать.

«Как бы не так. Стоит этой «раковине» хоть немного приоткрыться, я вцеплюсь в нее намертво. И даже если он передумает — я его не выпущу. Буду умолять и канючить, он просто не сможет мне отказать»

Видимо, идея «попробовать» показалась Ши Цину разумной. В его взгляде появилось сомнение, сменившееся нерешительностью. Под пристальным, полным надежды взглядом юноши он медленно повернулся и едва коснулся его щеки губами:

— Хорошо.

[Уровень отторжения Цзин Юаньци: 0/100]

Система даже не успела выразить восхищение своим носителем, так как мир перед ее виртуальным взглядом мгновенно затянуло плотной цензурой.

В этот раз Ши Цин был трезв, а потому проявил чуть больше сдержанности. К пятому разу Киноимператор, окончательно удовлетворенный, погрузился в глубокий сон.

Цзин Юаньци, как и прежде, взял на себя заботы о порядке. Он привел себя в чувство, бережно переложил спящего Ши Цина и отправил скомканные простыни в стирку, после чего распахнул окно, впуская свежий воздух.

На этот раз поясница не подвела. И всё же юноша решил, что стоит включить в рацион побольше укрепляющих отваров для почек. Пять раз — это серьезное испытание даже для его тренированного тела.

Он стоял у окна, глядя на раскинувшееся небо, и чувствовал себя абсолютным победителем.

Чэнь Жун... С его-то конституцией он бы и трех раз не выдержал.

Они с Ши Цинем — идеальная пара. И в этой жизни тот слабак больше никогда его не увидит.

План Цзин Юаньци по «пожизненному преследованию» осуществлялся безукоризненно. Едва Ши Цин проснулся, юноша принялся настаивать на публичном объявлении об их отношениях. Если бы не бюрократические сложности с гражданством, он бы потащил его под венец в тот же день.

К его удовольствию, статус публичных персон делал их признание почти равносильным браку. И хотя он понимал, что в сердце актера он пока лишь гость, он не собирался допускать появления новых конкурентов.

Пока общественность захлебывалась от шока, юноша начал карьеру «тени Ши Цина».

Если Ши Цин играл императора — Цзин Юаньци играл министра. Если Ши Цин был знатным господином — он становился другим знатным господином. Если для него не находилось роли, он просто инвестировал в проект, лишь бы мелькнуть в кадре в массовке.

Закончив свои сцены, он не уходил. Юноша усаживался в кресло на площадке и наблюдал. Его инвестиции давали ему право на обед за общим столом, хотя чаще всего он приносил еду из ресторана. И, разумеется, он не нуждался в отдельном жилье — ведь его место было рядом с Ши Цинем.

Поначалу коллеги не могли привыкнуть. Мало ли кто объявляет о романах, но чтобы так, не разлучаясь ни на миг?

Впрочем, их мнение мало кого волновало. Став официальным партнером, Цзин Юаньци раскрыл карты: он обнародовал данные о своем личном состоянии и заодно упомянул, что Ши Цин — единственный наследник богатейшей семьи.

Сделано это было не ради хвастовства. Посыл был ясен: «У меня есть власть и деньги. Если кто-то посмеет строить глазки моему любимому — в этой индустрии ему места не будет».

Против такого авторитета никто не смел и пикнуть. Что же касается Ши Цина, то одного вида Цзин Юаньци, охраняющего его как цепной пес свою кость, хватало, чтобы любые воздыхатели поспешно ретировались. Публичное признание в их кругах приравнивалось к свадьбе; любая попытка вмешательства была не просто аморальной, но и опасной.

Так началась история их «неземной любви».

Спустя шестьдесят лет жизненный путь Цзин Юаньци и Ши Цина подошел к закату. Болезни обошли их стороной — просто пришло время. Они оказались в больнице, понимая, что этот рубеж им не перейти.

Утешало лишь то, что слегли они вместе.

Внешний мир скорбел. Поклонники всех возрастов оплакивали уход кумиров, но в этой грусти не было горечи.

[Брат Цзин всю жизнь был победителем.]

[Согласен. С того дня, как они объявили о чувствах, его удача стала невероятной. Он взял премию Киноимператора, а потом... Кажется, он использовал новые технологии своей компании, чтобы государство приняло закон о равенстве брака. Мне тогда было пятнадцать, помню, как гремели новости. Никто не ожидал, что у актера такие активы.]

[Да, он был гением. За что бы ни брался — становился лидером.]

[Дедушка Ши тоже был велик. Мой учитель говорит, что Ши Цин — достояние нации. Его роль в «Хэчане» сорокалетней давности до сих пор считается эталоном.]

[Эй, какой еще дедушка? Называй его Ши-гэ! Мой Ши-гэ никогда не состарится!]

[У-у-у... Вы всё о достижениях, а я о любви. Я подсчитала: с тех пор как они вместе, они не расставались ни на день. Говорят, Цзин Юаньци вел дела только удаленно, а если и выезжал на проверки, то только с Ши Цином. Он ведь сразу отписал ему половину всех акций... Какое доверие!]

[Да, любовь как в сказке. Никогда не забуду, как Цзин Юаньци, получая премию, сказал: «Наконец-то я смог встать рядом с Ши Цином». Я тогда рыдала в голос. Почему мне не встретился такой человек?]

[Он был просто одержим им. В каждом интервью жаловался, что его характер слишком прилипчивый и он не может прожить без Ши Цина ни минуты. Тот лишь мягко улыбался в ответ. Наверное, только такой спокойный человек мог вынести подобную привязанность. Они идеально подошли друг другу.]

[Ни одной ссоры за всю жизнь, ни единого слуха. В нашем шоу-бизнесе они были как божества. И даже уходят вместе...]

[Пусть и в следующей жизни они найдут друг друга.]

Пока в сети шли обсуждения, Цзин Юаньци лежал на больничной койке. Он тяжело выдохнул, крепко сжимая руку актера и ласково поглаживая его ладонь.

— Ши Цин... ответь мне...

— Ты помнишь Чэнь Жуня?

Ши Цин повернулся на бок, глядя на него:

— Чэнь Жун? Кто это? Память уже не та... не припомню такого.

На лице мужчины расцвела умиротворенная улыбка.

— Тогда я... спокоен.

Он закрыл глаза, не выпуская руки любимого.

Ши Цин приподнялся, запечатлел на его щеке прощальный поцелуй и медленно склонил голову ему на грудь, вслушиваясь в затихающий ритм.

— Тук... Тук... Тук...

— ...

Тишина.

Лишь когда сердце Цзин Юаньци замерло окончательно, Ши Цин позволил своим глазам закрыться.

Когда в палату вошла медсестра, она застала их вместе: Ши Цин лежал на груди своего спутника, и оба они уже не дышали.

Ши Цин вернулся в пространство системы.

[Миссия завершена! Пожалуйста, выберите: 1 — Продолжить, 2 — Отдых]

Он окинул взглядом пустое пространство:

— Один. Поехали дальше!

[Внимание: осуществляется переход в новый мир!]

Ши Цин открыл глаза, почувствовав удушливый, приторный аромат благовоний. Он поднялся и осмотрел комнату, обставленную с вызывающей роскошью. Настало время принять новые воспоминания.

«Хм... Избалованный повеса, значит?»

<http://bllate.org/book/15834/1437510>